

Оксана Коложвари

Гибельный свет вдали

рассказы

Оксана Коложвари
Гибельный свет вдали

«Издательские решения»

Коложвари О.

Гибельный свет вдали / О. Коложвари — «Издательские решения»,

Представьте себе чёрное озеро, совсем чёрное, недвижимо лежащее в берегах. Но когда кто-то подходит к нему и смотрит в глубину, и хочет что-нибудь в ней рассмотреть — со дна всплывает кувшинка. Вы откроете обложку, тёмную, как вода, и рассказ выплывет вам навстречу.

Содержание

Гибельный свет вдали	6
Эффект гусеницы	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Гибельный свет вдали

рассказы

Оксана Коложвари

© Оксана Коложвари, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гибельный свет вдали

Он всегда просыпался чуть раньше, то есть – без одной минуты до звонка будильника. Он думал иногда, что можно и вовсе не включать будильник, все равно он проснется вовремя, привычно сунет руку под подушку, достанет сотовый телефон, отключит звонок, и сразу встанет. Но ему казалось, что если он не выставит время (впрочем, всегда одно и то же), и не включит сигнал, то и не проснется, словно давал задание не электронному устройству, а самому себе. Почему-то он не пытался проверить всё это в какой-нибудь выходной день, когда встать точно по времени было не принципиально важно, и все равно просыпался точно в шесть часов пятьдесят девять минут, и доставал телефон из-под подушки, и отключал сигнал звонка. И отключал сигнал звонка, и в это же время начинал слышать шелест машин на улице, утренний лай собак на прогулке, шумное дыхание матери за стеной, хлопанье чьей-то двери в подъезде и гудение лифта. Все это мешало, последние несколько дней мешало очень сильно, потому что внутри него билось, ворочалось и вылезало неровными строками что-то новое. То «дорога», то «невозможность вернуться», но не желаемая и не достижимая возможность, а правильная нужная невозможность. И все вокруг казалось слишком ярким, слишком громким, слишком пахнущим, слишком отвлекающим внимание от того, что внутри. Словно он хотел сесть и смотреть внутрь себя, а его дергали за плечо, и заставляли поднимать голову, и рассматривать ненужные подробности на горизонте. На горизонте.

Вода пахла хлоркой, зубная паста была слишком мятной, то, что мать ходила там, в коридоре, в халате, со смятыми волосами и заспанным лицом, было неприятно. Он сел за стол, она сунула ему тарелку с яичницей, сдвинув скатерть складкой, и он педантично приподнял тарелку и

разглядит карту на столе, руками ощутит подобье

выпала наружу первая строка. И немного отпустило напряжение, он был теперь уверен, что путь начался. Это всегда, кроме мучения и удовольствия, кроме мучительного удовольствия, было ещё и чем-то, что он зорко и заинтересовано наблюдал со стороны, отмечая все мелкие зазубринки в пространстве, за которые цеплялась и вытаскивалась наружу очередная строка. Вот как сейчас. Мать сидела очень напряжённо и ровно, свет от лампы над столом освещал затылок наклонённой головы, в ярком свете её отросшие у корней серой сединой волосы светились, сияли, а на плечах лежала синяя утренняя полупрозрачная тень полукругом. Она смотрела в газету с кроссвордом, но перевёрнутым кверху ногами, и водила по клеткам пальцами, всё быстрее и быстрее, странными рваными движениями, словно они были выпуклыми перегородками между ячейками, эти чёрные пустые клеточки, потом начала прочерчивать ногтём квадратики. Он знал, сейчас она прорвет тонкую серую бумагу и сорвется окончательно, и стал есть быстрее, чтобы быстрее сбежать. Она взглянула на него не поднимая головы и произнесла глухо и прерывисто, сглатывая после каждого слога:

– Пой-дѣшь? Дааа? – усиливая громкость, – Ты пой-дѣшь?!

вести ногтем по руслу рек

И он быстро встал, на ходу запихивая желток, который он любил больше, и всегда оставлял напоследок, ставя грязную посуду в раковину, быстро, быстро, она начинала почти кричать, и ему казалось, что он уворачивается от этого осязаемого крика.

поглядывая исподлобья

Она уже встала и взмахнула рукой с газетой, задела абажур, круглый столп света мазнул по кафельной стене, опрокинулся в другую сторону, он оглянулся и поймал взглядом светящийся бок синей эмалированной кастрюли на плите, всего на мгновение.

на смуглый что-то (что?) в темноте с атласным бликом

С бликом, бликом... Чего? «Вот чего там будет, того и блик», подумал он.
– Холодная скотина! – прокричала мать из кухни.

Антарктиды

на смуглый глобус в темноте с атласным бликом Антарктиды

Он выпрямился, вытащив пальцами смятые задники обеих кроссовок, в которые сунул ноги одновременно, повернулся, засовывая руки в рукава куртки, хватая собранный с вчерашнего вечера рюкзак, мать стояла посреди кухни, успокаивая рукой пляшущий абажур, и когда он выскочил на площадку, быстрый стук каблуков соседки с пятого, мерные шаги ее мужа, ее голос «а в Плоском Мире Диск стоит на черепахе т'Атуин» наложился на фигуру матери с воздетыми вверх руками и на мелькнувший рисунок из, наверное, школьного учебника истории.

*а мне милее все же те атланты и (как их звали? этих эсенин?) кариатиды
что держат диск над головой*

И он вертел и крутил эти строки в голове, пока ехал в метро, восходил по ступеням крыльца в Университет. Там было шумно, но уже все равно, потому что внутри разворачивалось, как пружина.

*а мне милее все же те атланты и кариатиды,
что держат диск над головой.*

Дальше нужна была логика, уже логика, он это ясно чувствовал, потому что начались вопросы. Дальше необходимо было говорить, почему, почему...

мне проще верить их служенью,

Почему? Почему не круглый глобус, а эта плоская, стоящая на... черепахе т'Атуин? Ряд глобусов, местами ободранных и пострекавшихся, на шкафу школьного кабинета географии. Преподаватель, там, внизу, на дне воронки лекционного зала, маленький человек в мятом костюме, что-то бубнил, зал шелестел страницами конспектов, было прохладно, от огромного окна тянула морозным уличным воздухом, но он словно погружался в гудящее знойное марево: ряд глобусов в темном кабинете географии, когда он закончил вытирать доску и выключил свет, и уходил в тишину пустой школы, закрывая за собой дверь, медленно закрывая за собой дверь; сужающийся до треугольного языка свет из школьного коридора на коричневом линолеуме класса, исчезающий свет, тьма поглощающая ряд глобусов; он приоткрыл дверь, полоса расширилась до прямоугольника, медленно потянул дверь на себя, сузив до полоски, до ленты, до тонкой нити, вспыхнул торчащий на искривлённой проволоке маленький шарик фальшивой луны на модели, стоящей у самого края.

чем этой круглой, неживой, неверной окруженной тенью,

*и этой призрачной луне, скользящей по кривой орбите
в ночи, в безмолвии, во тьме.*

Он не любил, когда предложение обрывалось посередине строки, но что он мог с этим сделать? Что от него зависело? Просто выговаривалось именно так. И он бормотал, крутил так и сяк, опять и опять, жуя пирожок с тепловатым столовским кофе, выходя в мороз и ветер, спускаясь в метро, он ехал к отцу, он знал, что там будет обед, точнее ранний ужин, или поздний обед, в общем еда, но он не мог, не хотел быть совсем голодным. Потому что там была жена отца, его новая молодая жена. И он очень хотел выглядеть серьёзным, уверенным, спокойным, и не голодным. Всё снова замерло, слова перестали отзываться изнутри, ворочались тяжёлым комом, слепленные где-то в животе, какие-то проблески света, туманы, снега, и сияния над ними в тёмной ночи. Темнело рано, когда он подходил в дому отца, уже загорелись фонари. Подъезд показался ему ослепительно ярким, чистым, теплым, как всегда, когда он раз в месяц, не чаще, приходил к отцу. И консьержка не спрашивала, куда он идет. И лифт был каким-то нарядным, сверкающим. И тут было тихо, но всё равно что-то мешало.

Ожидание около двери обитой жёлтой нежной кожей, всегда тянущееся (целую вечность) после далёкой трели звонка, он даже подумал однажды, что жена отца специально выжидает время, знает что он придёт, стоит за дверью и выжидает время, потому что дверь распахивалась бесшумно и внезапно, не было слышно ни шагов, ни щелчка замка, но потом, когда она закрывалась за его спиной, когда он входил в ярко освещённую прихожую, и отражался в трёх зеркалах сразу, за его спиной раздавался железный срежет, и жена отца цокала каблуками, обходя его старательно по дуге и исчезала в гостиной. Она была моложе его матери, наверное, красивее, и уж точно – счастливее.

Медленно разматывая шарф, расшнуровывая кроссовки, пристраивая куртку на вешалке, неторопливо моя руки в сияющей ванной, где висело одинаковое всегда полотенце и лежал новый брусок душистого фиалкового мыла, словно оно было нескончаемым, вечным, или словно после его визита эта ванная комната закрывалась на целый месяц, или может быть даже эта женщина, молодая жена отца, после его ухода складывала в отдельную коробку и выкидывала прочь мыло, полотенце, осквернённый его прикосновением рулон туалетной бумаги, чтобы через месяц положить и повесить на нужные места всё новое, и снова выкинуть вон, уничтожить все мимолетные следы его пребывания тут. Всё было, как всегда, как месяц назад, как год назад, он вошел в гостиную, и был накрыт стол, и отец привставал со стула, и говорил такую же фразу «здравствуй, сын», и даже тарелки стояли те же, и это – как повторяемая сцена давно идущего спектакля. И он ел тот же суп, и те же котлеты, и отвечал на те же вопросы. И смотрел на ровный пробор в золотистых волосах молодой жены отца. Цвет волос, это единственное, что менялось, в этот раз она была блондинкой. Но она всё так же не смотрела на него, так же накладывала еду и протягивала ему тарелку. Сегодня она была блондинка. Мама тоже была блондинка, он помнил. До тех пор, пока отец не ушёл, она была блондинка, и её руки были такими же ухоженными, и она тоже делала котлеты и суп, и смеялась. А теперь она рассматривает кроссворды, жарит бесконечную яичницу и кричит, и волосы её больше не блестят. Его отец ушёл от одной блондики к другой, от одних котлет к другим, переместился под иной абажур и только. Зачем?

*вы чувствуете? вы летите
всю жизнь неведомо за чем.*

Когда-нибудь эта женщина тоже будет сидеть на кухне, под другим абажуром, седая, с поломанными ногтями, в халате, и водить пальцем по перевернутому кверху ногами кроссворду. И возможно даже кричать на какого-нибудь мальчика.

*всё нестабильно, ненадежно,
иное дело – крепость тел, держащих плоскость осторожно.*

Да, именно так, вот так хорошо. Строка снова развернулась внутри него и написалась прямо перед глазами на белой скатерти, между краем тарелки и стаканом с морсом. И все вместе —

*и этой призрачной луне, скользящей по кривой орбите
в ночи, в безмолвии, во тьме. вы чувствуете? вы летите
всю жизнь неведомо за чем. всё нестабильно, ненадежно
иное дело – крепость тел, держащих плоскость осторожно.*

И так же, как всегда, когда после ужина жена отца вышла с грязной посудой на кухню, отец неловко замолчал, потом оглянулся на открытую дверь и тихо спросил: «как мама?», и он ответил так же привычно понизив голос: «всё хорошо». Хотя ничего не было хорошо, и самое отвратительное было, когда он уже обулся, и неловко стоял у двери, ожидая чего-то, то ли каких-то слов, то ли, что отец наконец-то обнимет его, но он только сунул быстро в карман его куртки свернутые купюры. И опять, за дверью отцовской квартиры он переложил деньги во внутренний карман рюкзака к паспорту, и застегнул его на молнию. И подумал, что не хочет возвращаться сюда, потому что никогда, там, в конце вечера, не происходит то, чего бы он хотел, он ждет слова или жеста, а получает свёрнутые тёплые деньги в карман куртки.

*иное дело – выйти вон, и не вернуться к этой двери,
поскольку путь – один, и он ведет меня... ну пусть на север.*

И вышел, натянув шарф на лицо, в холод и снег, под жёлтые фонари. На север.
*я передумая, собьюсь, мои следы укроет вьюга
но, и желая, не вернусь сюда опять, идя от юга.*

Но он знал, что вернется, отчасти потому, что всё равно не мог обойтись без этих денег, нагретых отцовской ладонью, отчасти потому, что всё равно продолжал ждать слова или жеста. Но стихотворение уже побежало, заструилось, летело ровными строчками.

И, стоя в метро, он ждал поезда и следующей строки с одинаковым нетерпением. И люди, толпящиеся у самого края, шумящие,двигающиеся, мешали, словно бы не давали строкам выпасть вовне, забирали пространство. И он подумал вдруг, стоя в стороне, что если бы можно было поднять с перрона эту жёлтую полоску краски, как верёвку, чтобы они все попадали в туннель, все, кто вылез вперед, кто мешает ему войти в вагон и быстро доехать до письменного стола, потому что стихи переполнили его и уже нуждались быть записанными, он уже боялся их забыть или перепутать последовательность слов.

дойти куда-нибудь и встать хоть где, но главное – у края,

В их подъезде было темно и не было никакой консьержки, он остановился посреди двора и посмотрел на окна на пятом, там горел свет, и молодая соседка, наверное, рассказывает мужу про Диск на спине черепахи т'Атуин, но ему уже всё равно, ему уже не нужна эта черепаха.

А потом сосед уйдёт от соседки к другой, молодой, женщине, и соседка будет жарить яичницу, рвать кроссворды, и кричать на какого-нибудь мальчика, сидя под красным абажуром.

*дойти куда-нибудь и встать хоть где, но главное – у края,
смотреть и пальцы загибать, легко с усмешкой наблюдая,*

Он тоже когда-нибудь уйдет наверное, но не сейчас. Сейчас он вошел в прихожую, и мать вышла из кухни и стояла, прислонившись плечом к притолоке, все в том же халате, и смотрела, как он снимает рюкзак, разматывает шарф, а потом медленно произнесла:

– Хочешь есть? – он промолчал, и она начала сбивчиво говорить, все повышая и повышая голос, – Ты, конечно, поужинал у него, у этого предателя, ел из рук этой дряни, воровки этой! Она украла моего мужа, мою жизнь, мое счастье! Она и тебя украдет, уведет! Не смей туда ходить! Не смей! Я запрещаю! Не смей!

Она всегда кричала это, и всегда он доставал деньги, и всегда ловил её руку, которой она размахивала перед его лицом, ловил и вкладывал в ладонь купюры, и она продолжала махать сжатым кулаком. И он входил в комнату и закрывал дверь перед её лицом.

И вот наконец он остался один и смотрел в тёмное окно, там светился размытый круг фонаря, если открыть дверь, то через коридор, ровно напротив будет гореть красный абажур в кухне, а под ним, за столом, положив на руки голову с непричесанными седыми волосами, будет сидеть его мать, а где-то там, на юге, под другим абажуром на другой кухне, наверное, сидит его отец, но он не знает, плачет ли он, или смеется, и что говорит ему его молодая жена, и что говорит своему мужу ещё молодая соседка с пятого, на их кухне с абажуром.

*дойти куда-нибудь и встать хоть где, но главное – у края,
смотреть и пальцы загибать, легко с усмешкой наблюдая,*

Всё это продолжается вечно, абажуры, женщины, другие женщины, моложе, с блестящими волосами, мужчины, которые все время уходят, и женщины, которые всё равно жарят им котлеты, и надеются, что мужчины не уйдут, и другие, прошлые женщины, которые думают, что от них ушли из-за котлет или возраста, хотя это одно и то же, потому что равно не имеет никакого отношения к правде, а правда в том, что внутри него разворачиваются скомканные слова, попавшие внутрь неизвестно как, и весь мир с абажурами, котлетами и черепахами – просто набор крючков, чтобы вытягивать ленты слов изнутри него.

как тонут в небе корабли, беспечно подплывая близко,

И он стоит в темноте и смотрит в окно на мутное пятно фонаря за зимним окном, и тихо проговаривает вслух последние строки —

*как тонут в небе корабли, беспечно подплывая близко
и видеть этот свет вдали, сияющий за краем диска.*

Эффект гусеницы

7 мая, вечер, ICQ

21:44:22 воин: она меня бросила

21:44:44 хепос: чего ж ты такого совершил?

21:44:52 воин: ничего. она сама по себе

21:45:11 хепос: так не бывает

21:45:22 воин: бывает

21:45:41 воин: встретила другого

21:48:03 хепос: ну. ничего не изменишь ведь

21:48:18 воин: я хочу чтобы его не было

21:49:33 хепос: ну не убивать же его!

21:49:45 воин: угу

21:51:53 хепос: мне очень жаль. правда. мне очень жаль!

21:58:05 хепос: не молчи. я могу чем-то помочь?

Изменил статус на Отключен (22:00:04)

Изменил статус на Подключен (22:19:26)

22:21:00 воин: помнишь – эффект бабочки?

22:21:25 воин: найди мне где машина времени. я подарю его отцу презервативы

22:21:34 хепос:))

22:23:30 воин: жаль что машин времени не бывает

22:24:41 хепос: может бывает. у американцев))

22:24:51 хепос: надо позвонить в посольство

22:25:11 воин: угу. ищу номер.

22:25:57 хепос: знаешь, мне психолог рассказывала, что надо вспомнить момент какой-то в прошлом и как бы его в голове поменять? понимаешь?

22:26:21 хепос: представить по-другому. и все здесь изменится. понимаешь?

22:28:27 воин: тогда она вернется?

22:28:52 хепос: не знаю

22:32:06 хепос: но может ты перестанешь страдать?

22:34:30 воин: я не страдаю

22:40:31 воин: мне больно

Изменил статус на Отключен (22:40:33)

Больше всего он укорял себя за то, что поругался с Верой. Ну пошла бы она в это кино с подругой! И даже если бы встретила там этого козла, она не стала бы давать никому свой телефон, если бы сначала не поругалась с ним. Он бродил по комнате и вспоминал, как она рассказывала ему про фильм, пересказывала сюжет, взмахивала рукой с красными ногтями (вот и про маникюр он тоже сказал, что ему не нравится, зачем? зачем?), потом вдруг отвела глаза и сообщила, что не будет встречаться с ним, потому что встретила в кинотеатре другого. Он видел её сейчас очень точно – лицо впол-оборота, застывшая в воздухе рука ладонью вверх. Застывшая рука ладонью вверх, натянувшаяся на груди ткань блузки.

Потом он лежал в темноте, по-детски подложив ладони лодочкой под щеку и вспоминал, вспоминал её. Как она ходит, стуча каблуками, словно нарочно, как обязательно фотографирует айфоном пенку на капучино, если рисунок на ней удачен, как она... и тут становилось совсем плохо. Если подумать, что все это теперь происходит с нею, и с тем, другим.

Вот он стоит около метро, она напротив, и всё время отворачивается от ветра и собирает длинные светлые волосы, заворачивает в жгут на затылке, они снова разворачиваются

и летят по ветру, ремень сумочки соскальзывает с плеча, она поправляет, на полминуты волосы завернуты и ремешок на плече, а потом всё снова – отвернуть голову от ветра, выпучить губы, отлепляя прилипшую к помаде прядь, завернуть жгутом волосы, тут соскальзывает ремешок, поправить на плече, повернуть голову к нему, ровно на половину фразы, потому что снова разворачиваются волосы и летят по ветру. И вся эта почти непрерывная суэта очень раздражала его. Наверное поэтому он поругался с Верой. Сейчас, вот сейчас, и он схватил её под локоть и уволок в вестибюль торгового центра, прочь от ветра и своего раздражения. И когда он сказал, что не сможет пойти в кино, и она надула губы, он поспешно сказал сам, сам сказал ей:

– Сходи одна, нет, возьми подругу и сходи!

И смотрел потом, как она идет через ветер и волосы летят вслед за ней. Она уходила от него, так же как и позавчера, но ему казалось, что она идет ровнее, спокойнее. Он лежал под одеялом, подтянув колени к груди, и смотрел, как позавчера она уходила от него, и сейчас надеялся, что она никого теперь не встретит, ни с кем не познакомится, и потом вернется к нему. Вот он заснет теперь, а потом проснется, и всё будет по-прежнему.

7 мая, ночь, ICQ

23:49:56 хепос: что не спишь?

23:50:04 хепос: поздно уже

23:50:24 воин: не спится

23:50:29 хепос: просто так? или проблема?

23:50:47 воин: вера ушла

23:50:52 хепос: куда?

23:50:57 хепос: не поняла

23:50:59 воин: она меня бросила

23:51:16 хепос: почему?

23:53:43 хепос: вы поссорились?

Изменил статус на Отошел: Invisible (23:54:44)

Изменил статус на Отключен (23:56:36)

Изменил статус на Подключен (0:01:36)

0:02:59 хепос: что случилось?

0:03:45 воин: встретила другого. в кино. пошла в кино и встретила

0:03:52 хепос: другие всегда вокруг

0:04:04 воин: ну вот так. встретила и он лучше меня

0:04:29 хепос: нет, не лучше

0:04:34 хепос: просто так бывает

0:04:53 хепос: она просто не понимает

0:06:38 воин: что?

0:16:25 хепос: что ты хороший

0:17:15 воин: угу. хороший. не для нее только

0:25:36 хепос: мне очень жаль. правда.

0:25:48 воин: я хочу его убить

0:25:52 воин: чтобы его не было

0:26:04 хепос: не надо. не изменит же ничего

0:26:13 воин: если бы можно было изменить я бы изменил. я не знаю что

0:26:31 хепос: я читала где-то, что если представить что в прошлом ты в какой-то переломный момент из-за которого все случилось

0:26:33 хепос: сделал по-другому. то все в настоящем изменится

0:26:42 воин: как машина времени?

0:26:50 хепос: вроде того

0:27:30 воин: понятн

0:27:35 хепос: м?

0:27:43 хепос: что тебе понятно?

0:27:44 воин: что ты ничего не понимаешь в этом

0:28:20 хепос: в чем?

0:28:35 воин: в любви. ты просто не понимаешь. она встретила его и влюбилась. и все что с нами было для нее теперь не важно! она все сразу забыла

0:37:40 хепос: у меня за окном поют соловьи

0:37:48 воин: поздравляю

0:38:08 хепос: интересно – что они жрут?

0:38:22 воин: божьи коровки

0:38:41 хепос: уже вылезли эти пятнистые монстры?

0:38:47 воин: да

0:39:10 хепос: вот они налопались и поют

0:40:38 воин: без пользы они поют

1:01:43 хепос: не грусти. мне очень жаль. я могу чем-то помочь?

1:01:53 воин: нет

Надо попробовать, может быть и правда, если он сейчас попытается представить и всё сделать по-другому, то она останется с ним?

И он сел на диван, обнял сам себя за плечи и попытался представить как они говорят позавчера в метро, но в голову лезли какие-то посторонние мысли, про этого козла, который её увел – какой он, интересно? Про разговор с Ксюшей, что она не понимает, не понимает ничего, потому что она некрасивая, обыкновенная, и у неё никогда ничего такого не было, с ней ничего не было, она ходит в своих кедах, и учится, и ничего больше нет в её жизни, что она понимает, чтобы говорить ему «не грусти»? Про Веру, какая она красивая, яркая, её все замечают, её нельзя оставлять одну ни на минуту, потому что обязательно кто-то начнет знакомиться. Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться, положил голову на спинку дивана, руки на колени, надо думать только про позавчера, и всё переменить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.